
Меняющаяся современность: всемирность и социальность

© 2020 г. В.Г. Федотова

*Институт философии РАН,
Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.*

E-mail: val_fedotova@mail.ru

Поступила 19.05.2020

Статья посвящена возрастающей значимости всемирности как типа мировой связи и одновременно как типа новой социальности и современности. Всемирность набирала силы в противостоянии безмирности и при поддержке значения и роли социальности. Автор показывает нарастание роли таких факторов мирового развития, как незаместимость социального и всемирного. Сказанное проиллюстрировано на примере идей Э. Гидденса и П. Вагнера, по-разному раскрывающих суть произошедших изменений. Отмечается, что глобализация усилила скорее не всемирность, а связность различных регионов, что изменилось с выходом эпидемий на мировой уровень. Показано, что эпидемия коронавируса в 2020 г. усилила переход от безмирности к всемирности. Любая часть мира в этих условиях становится связанной с миром в целом. В статье рассмотрена меняющаяся социальность в условиях всемирности эпидемий. Автор полагает, что социальность в условиях эпидемий может быть охарактеризована как урезанная. Это результат множества ограничений, накладываемых на социальные взаимодействия. Вместе с тем, социальность усложняется, поскольку ее урезанность компенсаторно требует восполнения отдельных аспектов социального – реассоциации (если использовать термин Б. Латура). В связи с этим нами отмечается, что если государство недостаточно успешно проводит социально-экономическую политику в период эпидемии, это приводит к росту и восстановлению представленности архаического в повседневности социального. В то же время автор приходит к выводу, что осуществляется не только ренессанс архаического, но и конструирование новых элементов искусственной социальности.

Ключевые слова: всемирность, безмирность, современность, социальность, эпидемии, коронавирус (COVID-19), меняющаяся социальность, урезанная социальность, усложнение социальности, архаическое.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–11-5-14

Цитирование: *Федотова В.Г.* Меняющаяся современность: всемирность и социальность // Вопросы философии. 2020. № 11. С. 5–14.

Changing Modernity: Worldwideness and Sociality

© 2020 Valentina G. Fedotova

*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.*

E-mail: val_fedotova@mail.ru

Received 19.05.2020

The article is devoted to the growing importance of worldwideness as a type of world connection and at the same time as a type of new sociality and modernity. The worldwideness has been gaining strength in opposition to worldlessness and with the support of the meaning and role of sociality. The above is illustrated by the example of the ideas of A. Giddens and P. Wagner, which in different ways reveal the essence of the changes that have occurred. It is noted that globalization has rather strengthened not worldwideness, but the connectivity of various regions, which has changed with the release of epidemics to the world level. The article reveals that the 2020 coronavirus epidemic has accelerated the transition from worldlessness to worldwideness. Any part of the world in these conditions becomes connected with the world as a whole. The article examines the changing sociality in the context of worldwide epidemics. The author believes that sociality in conditions of epidemics can be characterized as truncated. This is the result of many restrictions imposed on social interactions. At the same time, sociality becomes more complicated, since its cutback compensatory requires the replenishment of certain aspects of social – reassociation (to use B. Latour’s term). In this regard, we note that if the state is not successful enough in its socio-economic policy during the epidemic, this leads to the growth and restoration of the archaic in the everyday life of the sociality. In addition, the author comes to the conclusion that not only the renaissance of the archaic is taking place, but also the construction of new elements of artificial sociality.

Keywords: worldwideness, worldlessness, modernity, sociality, epidemics, coronavirus (COVID-19), changing sociality, truncated sociality, complicated sociality, archaic.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–11-5-14

Citation: Fedotova, Valentina G. (2020) “Changing Modernity: Worldwideness and Sociality”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 11 (2020), pp. 5–14.

Среди многих вещей, от которых страдает наш современный мир, есть недостаток общего самопонимания, отсутствие блага, и, по крайней мере отчасти, общей интерпретации ситуации, в которой мы, люди, обнаруживаем себя – безмирность, как назвала этот недостаток Ханна Арендт. И социальные науки, если, конечно, их правильно понимают, несмотря на все трудности, вполне могут быть источником и ресурсом для преодоления такой безмирности – в науке через отыскание новых элементов для общей интерпретации мира, в преподавании – посредством передачи ощущения важности риска безмирности и средств противодействия ей.

Питер Вагнер

Мы говорим о современности как о времени, совпадающем с нашей жизнью, современной нам сегодняшним. Но границы современности сдвигаются вместе с из-

менениями социальности, порождающими новую социальность, за которой следует появление и развитие новой современности и новых форм культуры. Как писал социальный философ В.Е. Кемеров в довольно давней статье «Концепция радикальной социальности», «слово “радикальная” в определении социальности использовано в его прямом смысле, указующем на укорененность социальности во всех основных аспектах индивидуального и совместного бытия людей. Стало быть, разговор – не об отдельных сферах, отраслях, сторонах, а о незаместимых формах, без которых невозможен общественный процесс» [Кемеров 1999, 3]. Такими незаместимыми формами являются социальность и современность. Сегодня мы возвращаемся к этим и другим категориям прошлого, поскольку они заняли новое место в современной ситуации.

Всемирность современности

К подобным незаместимым формам апеллирует английский социолог Э. Гидденс. В книге «Последствия современности» он дает ответ на сакраментальный вопрос о том, что такое современность [Гидденс 2011, 111]. Современный мир возник рядом с традиционным и по существу стал разрушать традиционные миры, отрицая последовательное развитие условий, существовавших прежде в классово разделенных обществах. Современный мир появился вследствие разрыва с тем, что происходило до него, все более порывая с преемственностью, имевшей место прежде. Социологи, социальные теоретики, философы, культурологи, экономисты стали считать своей задачей объяснение сути этого разрыва, возникшего в результате появления и развития индустриализма и капитализма с их истоками в вызревающем западном мире. Современность ведет к глобализации, создавая новые структуры, способные стать глобальными. Но при этом возникает все более очевидная неравномерность развития.

Метод другого ключевого исследователя более позднего времени – немецкого социолога П. Вагнера – иной, чем у Э. Гидденса. Он одновременно стремится сформировать новую социальность, чтобы привести другие народы и в глобализацию, и в современность. Социальность меняется под влиянием многих обстоятельств, ведущих к поиску новых оснований. Для П. Вагнера это – факторы, которые касаются мира в целом или большинства его частей и направлены на преодоление изоляции, безмирности как возможности отрыва от мира в целом или безразличия к нему. Безмирность исчезает, когда любая часть мира начинает быть связанной с миром в целом. И Вагнер четко встал на позиции всемирности, включающей мировую социологию модернити. Но при этом он все же считал, что современный мир разделен на три части: на первый мир либерально-демократического индустриального капитализма, олицетворяющий современное общество, превосходящее остальных; второй мир социализма советского стиля и третий мир так называемых развивающихся стран.

Выдающимся достижением Вагнера является отрицание безмирности или, точнее, спрятанности любой части мира от связи с миром в целом и стремление показать наличие тенденции к всемирности связи различных по своему развитию регионов Земли. Вагнер обогнал время в предсказании всемирности, связности регионов всей Земли и неизбежности взаимодействия ее частей. Сегодня кажется, что он даже предвидел увеличение роли всемирных ситуаций, вовлеченности мира в общие процессы, что мы обнаруживаем сейчас в истории с коронавирусом.

Как отмечает П. Вагнер, современность меняется не только под влиянием изменения социальности, но и в связи с изменениями культуры, способными обозначить определенные состояния современности. В результате возникло многообразие современностей, являющееся следствием различия социального и культурного в разных регионах, их разной связи и отношений с современностью.

К сходному видению много раньше Вагнера приходил П. Рикёр, утверждавший, что, «когда мы обнаруживаем, что существует не одна культура, а множество культур, мы признаем, что приходит конец воображаемой или реальной культурной монополии (и добавлю – обнаруживаем несколько типов социальности, выраженных множе-

ственно, а не единственным образом. – В.Ф.)... в результате наше открытие может обернуться против нас; внезапно оказывается возможным, что существуют лишь *другие*, что мы сами – это кто-то другой среди других...» [Рикёр 2002, 324]. Этим Рикёр настойчиво хочет сказать, что именно так возникает то новое, что найденное в одном месте действует и играет роль в другом, разделяя социальность, культурность и современность и вновь соединяя их.

Социальность меняется, прежде всего, под влиянием ряда факторов, ведущих к поиску новых оснований, современность и социальность взаимообуславливают друг друга. В книге П. Вагнера «Модернити. Понимая настоящее» обозначены аспекты, которые касаются мира в целом или большинства его частей [Wagner 2012]. Безмирность, то есть частичность, одиночество, раздробленность, недостаточная принадлежность к миру в целом все более исчезает, когда любая *часть мира* начинает принадлежать миру в целом или быть связанной с ним, или, по крайней мере, знать о нем.

Первый мир являлся «свободным обществом», превосходящим другие миры, ибо он имел преимущества институциональной и функциональной свободы. Второй мир располагал лишь некоторыми возможностями в сравнении с первым, ориентированным на процесс модернизации и развития. Третий мир был либо далек от первых двух, либо мало знаком с другими обозначенными здесь мирами.

Только общества первого мира были современными для своей эпохи, тогда как второй и третий миры нуждались в том, чтобы достичь современности, но не могли еще этого сделать. Это было время, когда социологическое мышление о современном обществе и модернизации появилось в качестве попытки понять современность и ее перспективы.

Английский социолог Э. Гидденс задавался вопросом «Что есть современность?» и отвечал на него так: «В качестве первого приближения к ответу скажем лишь следующее: “современность” означает способы социальной жизни или организации, которые возникли в Европе, начиная примерно с XVII в. и далее, и влияние которых в дальнейшем более или менее охватило весь мир. Такое описание привязывает современность к определенному временному периоду и исходному географическому местоположению, но пока что оставляет ее основные характеристики как бы надежно упрянтанными в некое “черном ящике”» [Гидденс 2011, 111].

Современность, по мнению Гидденса, имеет множество разрывов, ибо формы жизни, созданные современностью, оторвали людей от *всех* традиционных типов социального порядка и сделали это способом, не имеющим исторических прецедентов, теряя связь с ранее существовавшим порядком. Новизна изменений была ошеломляющей, порождающей новые темп, скорость, масштаб и активное формирование социальных институтов. По мнению Гидденса, К. Маркс, Э. Дюркгейм и М. Вебер не могли представить, «насколько обширной окажется темная сторона современности... и что возможности для тоталитарного варианта развития событий предполагаются институциональными параметрами современности, а не исключаются ими» [Там же]. Подтвердилось и убеждение Гидденса относительно значимости перехода от роли в производстве материальных благ к ориентированности на информацию, не предполагающую веры в прогресс и непрерывной связи прошлого и будущего, их линейной преемственности.

Для К. Маркса ведущей преобразующей силой в завершающийся феодальный период является капитализм с его товарным производством и превращением рабочей силы людей в товар. Э. Дюркгейм видел такую силу в индустриализме, приводящем к национальным государствам, их изучению и распространению институтов современности и, в конечном итоге, к приоритету человеческого общества в качестве основного понятия социологии, подчеркивающего присущую ему черту всемирности.

На мой взгляд, К. Маркс, Э. Дюркгейм и М. Вебер – основатели социологии – видели, что материальный прогресс подавляет творческие начала индивидуумов, но даже они не могли предположить, до какой степени это может произойти. Много позже Гидденс писал: «Мы еще не живем в постсовременном социальном универсуме, но

мы все же в состоянии уловить некоторые проблески возникновения новых способов жизни и форм социальной организации, отклоняющихся от тех способов и форм, которым благоприятствуют современные институты» [Гидденс 2011, 173].

До П. Вагнера не было никого, кто бы исходил из идеи всемирности в наше время. Сказать, что Вагнер открыл это, было бы неверным, так как данное ощущение нарастало, и мир рассматривался как сцена, ограниченная Землей. Вагнер показывает, что такое представление было обусловлено современной ситуацией складывания европейской модерности не только в Европе в целом или в ее регионах, но, прежде всего, ускорением глобализационных процессов, которое коснулось, правда в разной степени, и Первого, и Второго, и Третьего миров.

Для философов до Вагнера так вопрос не стоял. Мало кто из современных философов рассматривал мир как целое. Ни Ю. Хабермас, ни Э. Гидденс, ни кто бы то ни было иной не делали этого, принадлежа к первому миру. П. Вагнер стал одним из влиятельных философов нашего времени, который ощутил проблему всемирности. Это безусловно было связано со сближением регионов мира в ходе эволюции, которая до некоторой степени одновременно усиливала разобщенность Первого, Второго и Третьего миров.

Именно концепт всемирности, тщательно исследованный П. Вагнером как в статьях (например, «Открытость будущего: Модерность и общественные науки. Интервью с Питером Вагнером» [Вагнер 2009^а; Вагнер 2009^б] и во многих других), так и в монографии «Современность. Понимание настоящего» [Wagner 2012], позволяет философам и социологам обратить внимание на глобальное распространение институтов современности и на их разрыв с традиционными культурами как на теоретическом, так и на практическом уровне.

Современность ведет к глобализации, создавая новые структуры, способные стать глобальными. Но при этом наблюдается очевидная неравномерность развития. Теоретический метод Вагнера – одновременно стимулировать формирование у других народов вхождение и в глобализацию, и в современность, и в постсовременность, а главное, в модерность и во всемирность. Под политической модерностью он понимает «самоопределение своей жизни сообща с другими, правила общежития» [Вагнер 2009^а, 23].

Тенденция к всемирности нарастала из-за роста торговли между странами, туризма, научных обменов, лечения пациентов в зарубежных клиниках, обучения в зарубежных университетах, благодаря тяге к путешествиям, культурным контактам. Все это постепенно делало Землю землей обетованной, всемирной. Даже опасные места планеты оказались заселены и посещались без должного понимания нравов, обычаев, культуры, гигиены, правил, наличия болезней и угроз.

В своей книге «Современность. Понимая настоящее» [Wagner 2012] в разделе «Пересматривая теорию модернизации» П. Вагнер усиливает описание отдельных частей Земли картину всемирности, рассматривая шаг за шагом ее этапы. Теоретическое переосмысление современности этим исследователем включает в себя восстановление прошлого модерни, понимание его настоящего; изменение взглядов на модерни: от конвергенции и стабильности к плюральности и трансформациям; успешные современности трактуются им путем раскрытия сущности кризиса, критицизма и идеи прогресса; в распутывание концепта «модернити» включаются время, действие и проблемы, которые должны быть решены.

Переходя к анализу современности, Вагнер пересматривает связь капитализма и демократии, а также критицизма и идеи прогресса.

Предложенная П. Вагнером концепция всемирности, как и всемирность вообще, – далеко не единственный способ концептуализации становления единства человечества. Идея прогресса, присущая классическим теориям модернизации, предполагала общую для многих стран и народов траекторию движения.

Современность явилась способом втягивания разных стран в водоворот процессов формирования обществ модерна. Начиная с 1990-х гг. XX в. стали усиливаться процессы глобализации, аккумулировавшие интерес исследователей и переведшие до-

минирующее внимание от модернизационных дискурсов к дискурсам глобализации, подчеркивающих общность или взаимосвязанность экономических, политических, коммуникационных и социокультурных процессов.

Приведем в качестве примера этапы глобализации английского социального теоретика Р. Робертсона, которые совпадают со стадиями нарастания глобальности, то есть втягивания мира в процессы глобализации. На первом этапе (в зародышевой фазе) с начала XV до середины XVIII в. распространение получает григорианский календарь, осуществляется современная концептуализация понятий, описывающих человечество и индивида. Появляется представление о Солнце как о центре Вселенной, закладываются начала современной географии. Вторая фаза длится с середины XVIII в. до 1870-х гг. и характеризуется построением гомогенного национального государства, кристаллизацией представлений о национальном, интернациональном, о гражданстве, а также индустриализацией, приводящей к масштабным изменениям процессов производства. Третья фаза – фаза «взлета» – продолжается с 1870-х до 1920-х гг. Дальнейшее развитие получает национальное государство и глобальные формы коммуникации. Возникает «международное сообщество», состоящее преимущественно из стран европейского происхождения, в которое входят лишь немногие неевропейские страны. «Фаза борьбы за гегемонию» охватывает период с середины 1920-х до конца 1960-х гг., включая в себя Вторую мировую войну, концептуализацию военных преступлений и преступлений против человечества, представление о Третьем мире, холодную войну. На фазе «неопределенности», начавшейся в конце 1960-х гг. и до начала 1990-х, когда вышла книга Р. Робертсона, возникают пост-материальные ценности, укрепляются идеи прав человека, формируется глобальное сознание, с окончанием холодной войны и распадом коммунистического блока глобально доминирует капиталистическая экономика [Robertson 1992]. Модель Р. Робертсона охватывает только начало 1990-х гг., поскольку это совпало со временем выхода его книги. Отметим, что вышеперечисленные стадии глобализации Р. Робертсона в основных аспектах совпадают со становлением и последующим разворачиванием того, что мы охарактеризовали как Первую, Вторую и Третью современности [Федотова, Колпаков, Федотова 2008]. Несмотря на то что идея прогресса потеряла свою прежнюю значимость, сегодня есть попытки вернуться к пересмотру ее значения в процессах модернизации [Wagner 2015; Wagner 2017].

Начиная с 1990-х гг. появились новые способы концептуализации происходящих сегодня в мире изменений и направлений развития процессов, таких как поздняя современность, поздний капитализм, рефлексивный модерн, общество риска и др.

Меняющаяся социальность в условиях всемирности эпидемий

Всемирность эпохи эпидемий, как ни парадоксально, проявляется повсеместным восстановлением значимости национального государства. Этот вариант всемирности потребовал обращения к возможностям государственных и других субнациональных властных структур, но не наднациональных, которые не обладают адекватными средствами борьбы с эпидемиями. Американский экономист и футуролог, автор бестселлера о редких и непрогнозируемых событиях со значительными последствиями, которые он назвал «черными лебедями», Н. Талеб отметил: «Мы нуждаемся в государстве, чтобы оно обеспечивало главную ценность – безопасность людей. В период пандемии государство должно брать на себя управление всеми мерами, которые позволяют добиться этой цели. Другое дело, что, например, в Евросоюзе государство включается по любому поводу и начинает “спасать” экономику со скоростью вакуумного пылесоса. Проблема не в том, что государство не нужно, проблема в том, что оно плохо выполняет свои главные задачи» [Талеб 2020]. Значимым является признание безопасности как главной ценности. Доминирование подобной ценности свидетельствует о кризисных явлениях общественной жизни. Если социальный порядок производит впечатление устойчивого, ценность безопасности не выходит на передний план. Она актуализи-

руется только тогда, когда есть реальные или воспринимаемые как реальные угрозы, вызовы, опасности для индивидов и общества. Мы полагаем, что кризисные условия сами по себе, а также недостаточность государственной поддержки населения в это время вызывают к жизни изменения социальности.

Французский социальный теоретик Б. Латур известен оригинальной трактовкой социального, понимаемого им не как «скрепляющий состав, способный соединить что угодно, включая и то, что не под силу другим составам; это как раз то, что склеивается воедино множеством других типов соединителей» [Латур 2013, 76]. В связи с этим он утверждал: «...в социальном порядке нет ничего, присущего только ему, нет никакого социального измерения, никакого социального контекста, никакой отдельной сферы реальности, которой можно было бы навесить ярлык “социальное” или “общество”. Актеры никогда не растворяются в социальном контексте. В итоге то, что мы называем обществом, склеивается воедино множеством других типов соединений» [Там же]. «В таком понимании прилагательное “социальное” обозначает *не вещь среди других вещей*, вроде черной овцы, затесавшейся среди белых, а *тип связи* между явлениями, которые сами по себе не социальны. Вот почему, – пишет он, – я намереваюсь определить социальное не как особую сферу, особую область или вещь особого рода, а лишь как своеобразный процесс реассоциации и восстановления ансамблей» [Там же, 77–78].

В соответствии с собственными теоретическими представлениями о социальном, Латур дал комментарий по поводу сегодняшней ситуации с эпидемией, в которой нашли отражение обсуждаемые нами идеи всемирности и присущей ей социальности. Латур утверждает, что в результате в том числе кризиса, вызванного коронавирусом, наступает «осознание того, что классическое определение общества – людей связанных между собой – не имеет смысла. Состояние общества в любой момент зависит от ассоциаций многих действующих лиц, большинство из которых не имеют человеческих форм. Это относится и к микробам,.. а также к интернету, законодательству, организации больниц, государственной логистике, а также климату» [Latour 2020^a]. Нетривиальность этой мысли сегодня начинает казаться очевидной. «На самом деле, – пишет он, – не только транснациональные корпорации или торговые партнерства, или интернет, или туроператоры глобализируют планету. Каждая сущность на этой планете имеет свой собственный способ соединения друг с другом и всеми другими элементами, которые составляют коллективность в данный момент. Это верно для CO₂, который нагревает атмосферу во всем мире... но это также верно для... коронавируса, который способен связать “всех людей”, передавая наши очевидно безобидные капли от кашля. Микробы – это суперглобалисты: когда речь идет о ресоциализации миллиардов людей, микробы быстро справляются с этим!» [Latour 2020^b].

Нынешнее положение вещей с эпидемией похоже на XIX в. с его «биовластью», отмечает Латур. Суть ситуации он видит в управлении населением сверху с помощью власти экспертов на территориальной основе, что происходит в каждой стране и превращается в «повсеместный» (то есть, всемирный. – В.Ф.) феномен. Вместе с тем, согласно Латуре, «новизна нынешней ситуации... заключается в том, что, будучи запертыми дома, когда снаружи остаются только расширенные полицейские полномочия и шум машин скорой помощи, мы коллективно в карикатурной форме участвуем в игре в биополитику, которая, кажется, пришла прямо из трудов Мишеля Фуко» [Latour 2020^a]. Дисциплинарное общество Фуко – одна из основных теоретических конструкций, к которым обращаются исследователи социальности эпохи эпидемии.

На наш взгляд, эпидемия коронавируса, как и любой другой социальный кризис, приводит к «реассоциации» различных аспектов социального, а также к росту представленности архаических элементов в социальном. В первую очередь это касается социальных взаимодействий. Обратимся к типологии экономических взаимодействий, предложенной выдающимся американским антропологом М. Салинзом. Он показал, что в архаических догосударственных обществах «связь между движением материальных ценностей и общественными отношениями реципрокна... материальный поток гарантирует или инициирует общественные отношения» [Салинз 2000, 171]. Вслед

за К. Поланьи он выделяет отношения редистрибуции и реципрокности (реципрокации). Реципрокность характеризует отношения между двумя сторонами: «...предполагает две стороны, два далеких друг от друга социально-экономических интереса» [Салинз 2000, 173]. Реципрокность представляет собой континуум различных форм: «На одном полюсе, – утверждает Салинз, – располагается добровольно оказываемая помощь... На другом полюсе – эгоистическое стяжательство... В моральном отношении это явно позитивная и негативная крайности. Промежуточные формы – ...это промежуточные формы социальности (дружественности)» [Там же]. Крайняя форма солидарности названа им генерализованной реципрокностью, для нее характерна альтруистичность, а «материальная сторона взаимодействия подавляется социальной» [Там же, 177]. Крайняя форма «антисоциальности» или «недружественности» названа негативной реципрокностью, ее суть состоит в попытке «достичь максимальной выгоды за счет другого» [Там же, 179]. Промежуточная форма получила название «сбалансированной», ее ожидания стремятся к эквивалентности отношений.

Часть обмена в условиях коронавируса осуществляется в формате сбалансированной реципрокности, при которой эквивалентность обмениваемых вещей определяется самими людьми, а не формальной рыночной (денежной) системой. Интересен пример возобновления в Италии, в Неаполе корзин взаимопомощи, когда проходящие мимо корзины могут взять из нее то, что им нужно, и положить то, что может понадобиться другим. В данном случае речь идет о широком спектре социальности – от сбалансированной до генерализованной.

Редистрибуция, согласно М. Салинзу, предполагает перераспределение благ: наличие коллективного центра, куда попадают все блага, и откуда их поток следует обратно членам сообщества. Отметим, что в современном обществе государство с помощью разных налоговых режимов, соответствующих разным формам социального государства, осуществляет подобное перераспределение в той или иной форме. Если государство недостаточно быстро и гибко реагирует на кризис, тем самым оно вынуждает людей прибегать к социальным взаимодействиям, *восстанавливающим* значительный элемент архаического.

Крайние стороны социальности получают широкое распространение в условиях эпидемий и кризисов. Например, мы видим, с одной стороны, самоотверженную работу врачей и медсестер и, с другой стороны, увеличение случаев мошенничества и обмана. Можно предположить, что социальность в эти моменты растягивается по континууму возможных вариантов от альтруизма к эгоизму, но полюса притягивают сильнее, чем середина. Крайние формы в условиях кризиса вбирают в себя большее число социальных взаимодействий, чем в условиях стабильного социального порядка. Это предположение созвучно высказанному российско-американским социологом П. Сорокиным выводу о позитивной и негативной поляризации, то есть, о разделении поведения людей на два полюса – героического и стяжательского.

В ситуации кризиса важным инструментом сохранения преемственности с прежней социальностью является воспроизводство ритуалов. Как отметил немецкий антрополог К. Вульф, «сегодня ритуалы оказываются формой производства социальной сцепки, благодаря своему этическому и эстетическому содержанию они должны гарантировать безопасность в эпоху нестабильности» [Вульф 2010, 25]. В связи с этим во Франции, например, не закрыли булочные во время карантина, поскольку французы не мыслят день без свежего багета, а багет, в некоторой степени, является символом французской культуры. В Южной Корее модифицировали ритуал питья кофе: если до эпидемии его пили в кафе, то в условиях самоизоляции корейцам пришлось просматривать видео о правильном приготовлении данного напитка и готовить и пить его дома. В некоторых случаях произошло изобретение ритуалов, соответствующих новым реалиям. Так, в Италии родился новый ритуал пения песен из окон и с балконов.

Отметим, что происходит не только ренессанс архаического, но и появляется много элементов заново сконструированной искусственной социальности. К ним можно отнести новый язык и реалии дисциплинарного социального порядка – социальную

дистанцию, самоизоляция, дискурс безопасности, кризиса и «новой нормальности». Эпидемия характеризуется как исключительное событие, к которому не готовы современные системы здравоохранения. Неготовность к новому повороту событий может быть объяснена завершенностью в большинстве стран с модернизированной медициной так называемого эпидемиологического перехода, осуществленного главным образом в середине XX в., который ознаменовал радикальное изменение в структуре смертности населения, а именно резкое падение смертности от эпидемий, вызванных инфекционными заболеваниями. Несоответствие современной реальности эпидемиологическому переходу провоцирует восприятие ее как экстраординарного, кризисного феномена. Понятие кризиса сегодня широко используется для легитимизации новой нормальности. Как отметил известный немецкий теоретик истории Р. Козелек, «концепция кризиса, которая когда-то обладала способностью представлять неизбежные, жесткие и не подлежащие обсуждению альтернативы, была преобразована таким образом, чтобы соответствовать неопределенности любого заданного момента» [Kosellek, Richter 2006]. При этом дискурс новой нормальности, приписывающий кризисному (и от того – временному) состоянию статус возобновляемого или постоянного явления, активно применяется не только исследователями, но и государственными структурами и, что примечательно, начал входить в повседневный оборот. Несмотря на то что новая нормальность не является абсолютно новым явлением, это понятие прекрасно иллюстрирует возможности социального конструирования кризисного порядка и соответствующей ему *урезанной* социальности населения.

Таким образом, мы видим *усложнение* современности и социальности. Усложнение заключается в одновременном присутствии и актуализации качеств, сформированных на разных этапах современности и характеризующих различные стороны социальности. Социальность проявляет элементы архаического, ритуального, модерна и позднего модерна, некоторого возвращения идеи прогресса и надежд, связанных с ним в плане избавления от эпидемии и неохотного признания легитимности идей цикличности в связи с предполагаемыми перспективами новых волн эпидемий. Всемирность заключается в том, что данные процессы становятся всепроникающими.

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

Вагнер 2009^a – Вагнер П. Открытость будущего: модерность и общественные науки. Интервью с Питером Вагнером / Подгот. и проведено М.Б. Хомяковым // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. № 2. С. 5–20 (Wagner, Peter, *Openness of the Future: Modernity and Social Sciences. Interview with Peter Wagner*, Russian Translation).

Вагнер 2009^b – Вагнер П. Политическая форма новой Европы, Европа как политическая форма / Пер. с англ. А.С. Меньшикова // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. № 2. С. 21–57 (Wagner, Peter, *The Political Form of Europe – Europe as a Political Form*, Russian Translation).

Вульф 2010 – Вульф К. Воспроизводство социального: ритуал, эмоции, воспоминания / Пер. с нем. Г. Хайдаровой // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. № 3. С. 23–50 (Wulf, Christoph, *Reproduktion des Sozialen: Ritual, Emotionen, Erinnerungen*, Russian Translation).

Гидденс 2011 – Гидденс Э. Последствия современности. М.: Праксис, 2011 (Giddens, Anthony, *The Consequences of Modernity*, Russian Translation).

Латур 2013 – Латур Б. Пересобирая социальное. Введение в акторно-сетевую структуру / Пер. с англ. И. Полонской // Экономическая социология. 2013. Т. 14. № 2. С. 73–87 (Latour, Bruno, *Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network-Theory*, Russian Translation).

Рикёр 2002 – Рикёр П. История и истина / Пер. с франц. И.С. Вдовиной, О.И. Мачульской. СПб.: Алетейя, 2002 (Ricoeur, Paul, *Histoire et vérité*, Russian Translation).

Салинз 2000 – Салинз М. Экономика каменного века. М.: ОГИ, 2000 (Sahlins, Marshall D., *Stone Age Economics*, Russian Translation).

Талеб 2020 – Талеб Н.Н. Пандемия уничтожит города, изменит экономику и поменяет мировоззрение. URL: <https://pro.rbc.ru/demo/5e998c119a7947697d5cb9d9> (22.04.2020) (Taleb, Nassim N., *The Pandemic Will Destroy Cities, Change the Economy and Change the Worldview*, Russian Translation).

Ссылки – References in Russian

Кемеров В.Е. Концепция радикальной социальности // Вопросы философии. 1999. № 7. С. 3–13.
Федотова, Колпаков, Федотова 2008 – Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: Три великие трансформации. М.: Культурная революция, 2008.

References

Fedotova, Valentina G., Kolpakov, Vladimir A., Fedotova, Nadezhda N. (2008) *Global Capitalism: Three Great Transformations*, Kulturnaya Revoliutsia, Moscow (in Russian).

Kemerov, Vyacheslav E. (1999) “The Concept of Radical Sociality”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 7 (1999), pp. 3–13 (in Russian).

Koselleck, Reinhart, Richter, Michaela W. (2006) “Crisis”, *Journal of the History of Ideas*, Vol. 67, No. 2 (Apr., 2006), pp. 357–400.

Latour, Bruno (2020^a) *Is This a Dress Rehearsal?* URL: <https://critinq.wordpress.com/2020/03/26/is-this-a-dress-rehearsal/>

Latour, Bruno (2020^b) *Where to land after the pandemic? A paper and now a platform*. URL: http://www.bruno-latour.fr/sites/default/files/downloads/P-202-AOC-ENGLISH_1.pdf

Robertson, Ronald (1992) *Globalization. Social Theory and Global Culture*, Sage, London.

Wagner, Peter (2017) “Progress and Modernity: the Problem with Autonomy”, *Sociología Histórica*, No. 7, pp. 71–94.

Wagner, Peter (2015) *Progress: A Reconstruction*. Polity, Cambridge.

Wagner, Peter (2012) *Modernity. Understanding the Present*, Polity, Cambridge.

Сведения об авторе

ФЕДОТОВА Валентина Гавриловна –
доктор философских наук, главный научный
сотрудник сектора социальной философии
Института философии РАН.

Author’s information

FEDOTOVA Valentina G. –
DSc in Philosophy, Main Research Fellow
at the Department of Social Philosophy,
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.